

Золотухина-Аболина Е.В.,
д.ф.н., профессор факультета философии и культурологии
Ростовский государственный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

ИДЕИ З.ФРЕЙДА В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ К.УИЛБЕРА

Это небольшое размышление можно было бы начать строчкой известного русского поэта Ф.Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Действительно, мыслитель, излагающий свои идеи со всем пылом убежденности в собственной правоте, не волен предвидеть того, какие интерпретации, толкования, смысловые варианты выскажут относительно его идей и современники и тем более потомки. Ж.-П.Сартр писал, что мертвый является жертвой живых, имея в виду как раз эту неизбежность трактовок, приписывания, перевираания, добросовестного непонимания и вольного фантазирования, которому подвергаются теоретические (а порой и нравственные) позиции автора, уже не способного ответить оппонентам или слишком рьяным ученикам. Впрочем, отбиться от толкователей не всегда возможно и при жизни. Таков закон чтения одними людьми текстов, написанных другими – эти тексты стремительно обрастают новыми значениями, не ведомыми тому, кто их сочинял. Продолжение строки Тютчева звучит, как известно, так: «И нам сочувствие дается, как нам дается благодать». Это относится к философам в той же мере, что и к поэтам: наличие сочувствия – это уже немало, и, думается, многое можно простить тому интерпретатору, который сочувственно принял позицию читаемого автора и щедрой рукой расширил горизонты его концепции.

Именно таким интерпретатором идей З.Фрейда является на наш взгляд Кен Уилбер – ученый, мистик, представитель трансперсонального движения.

Ни для кого не секрет, что идеи З.Фрейда – как и любого, видимо, философа, выдвигающего свою версию человека – многократно переосмысливались его учениками и последователями. К.-Г.Юнг, временно став соратником автора психоанализа, затем отошел от него и подверг его взгляды достаточно суровой, хотя и уважительной критике. О.Ранк развил свою теоретическую линию, связанную прежде всего с травмой рождения. Э.Берн, пользуясь практическими приемами психоанализа, создал собственный подход, где фундаментально переосмыслил фрейдовскую структуру внутреннего мира, превратив мрачное Оно в шаловливого внутреннего Ребенка, несчастное Эго – в здорового внутреннего Взрослого, а грозное Супеэго в ворчливый голос мамы или бабушки, читающей нотации. Карен Хорни, оттолкнувшись от фрейдовских идей, создала во многом иную, межличностно-заостренную концепцию, которая отвергала доминирование либидо. Эрих Фромм соединил фрейдизм с марксизмом, спроецировав тему бессознательного на жизнь общества. Тем не менее, практически все продолжатели и интерпретаторы психоаналитической концепции (кроме отступника К.-Г. Юнга) оставались в рамках проблем повседневности, не покидали твердой почвы материального эмпирического мира, следовали позиции отца-основателя, полагавшего, что он – настоящий ученый, отвергающий как религиозные, так и мистические бредни.

Фрейд очень удивился бы, узнав, в какую систему взглядов оказались вписаны его представления и понятия Кеном Уилбером, а возможно, был бы чрезвычайно возмущен, поскольку разработанные им характеристики внутреннего мира эмпирического человека оказались расширены до уровня запредельности, существование которого он отрицал. Но в этом и состоит особая пикантность уилберовского подхода: посмотреть на фрейдовские понятия как на универсальные характеристики человеческого развития через все планы бытия.

С точки зрения трансперсоналиста К.Уилбера действительность может быть определена как Великая цепь бытия (термин А.Лавджоя) или как Великое гнездо бытия, как холоархия – целостная иерархия «холонов», каждый из которых есть целостность. Холоархия простирается через основные ступени: материя – жизнь – ум – душа – дух, и через все эти уровни, образно говоря, путешествует человеческая Самость. Самость духовна, она по своей сути Атман –

вечный свидетель, который никогда не может стать объектом, но она облекается в формы всех уровней действительности и отождествляет себя с ними, она переживает себя как человек из плоти и крови, поэтому она не только ясна и сознательна, но тревожна и бессознательна. У человека, ядром которого является самость, много проблем, и он нуждается в помощи, в терапии, как бы высоко ни поднималось его созерцающее мир Я. Именно поэтому К.Уилбер как и многие другие авторы отвергает фрейдовский редукционизм, его натуралистические тенденции, но при этом он не останавливается на социальности или межличностных отношениях, а применяет подходы Фрейда к тому, что эзотерики называют «тонкими планами». Самость нужно лечить, ей нужно помогать даже тогда, когда она, казалось бы, оторвалась от инстинктов и низменно-биологических страстей и воспарила в горние выси. Уилбер возвышает Фрейда до уровня диагноста проблем души на тех уровнях, которыми обычно занимались духовные учителя. По крайней мере, он пользуется его словами, следует его логике, применяет его подход.

Яркое проявление этого мы видим в работе «Проект Атман» (1980). Затем в 1999 году выходит работа «Интегральная психология», где Уилбер вновь говорит об «археологии самости» и интегральной терапии. Тем не менее, остановимся на произведении «Проект Атман», главная мысль которого состоит в том, что все идентификации человека (с телом, с чувствами, с мыслями и т.д.) – это лишь заместительные формы единственного и подлинного самоотжествления – с мировым духовным первоначалом.

Первый фрейдовский сюжет в этой работе Уилбера – сюжет, связанный с рассмотрением огромной роли бессознательного на всех этапах развертывания Самости. Развитие темы бессознательного осуществляется здесь за счет увеличения числа его видов, которые превосходят присущую Фрейду «диаду» - Оно и Супер-эго. Уилбер выделяет следующие типы бессознательных процессов, которые присущи человеку и неотъемлемы от него:

1. Фоновое бессознательное. Такого типа бессознательного никак не могло существовать в рамках фрейдовского взгляда, так как Уилбер говорит в том числе о «свернутых» духовных уровнях. Он отмечает, что все глубинные структуры потенциально готовы возникнуть через воспоминание, и человеческое развитие предстает в этом случае как постепенное развертывание глубинных структур из фонового бессознательного (вплоть до Бога и Пустоты). «Когда – и если – возникло все, содержащееся в фоновом бессознательном, тогда остается только сознание: все сознательно, будучи Всем. Как говорил Аристотель, когда все потенциальности актуализируются, то результатом будет Бог»¹.

2. Архаическое бессознательное, которое Уилбер называет вторым, не сводится к вытесненному содержанию, возникшему в ходе индивидуальной жизни. Уилбер подчеркивает, что у самого З.Фрейда содержание бессознательного не тождественно вытесненным впечатлениям: это относится и к Супер-эго, и к частям Ид. Впрочем, развитие эта мысль получает в творчестве К.-Г.Юнга, который, создавая теорию архетипов, говорит об «архаическом или филогенетическом наследии», подчеркивает общечеловеческий статус коллективного бессознательного. «Как бы то ни было, - пишет Уилбер, - следуя и Фрейду, и Юнгу, можно сказать, что в общем смысле соматической стороной архаического бессознательного является Ид (инстинктивное, лимбическое, тифоническое, праническое), а психической стороной – филогенетическое наследство фантазии. В целом же архаическое бессознательное не является продуктом личного опыта...»².

3. Третий вид бессознательных процессов – погружающееся бессознательное. К нему Уилбер относит обычное забывание и вытеснение (забывание насильственное), и то, и другое принадлежат согласно Уилберу к «континууму невнимания». Личный аспект вытесненного бессознательного он называет юнговским термином «Тень» и отмечает, что, в принципе, бессознательное включает разные степени структурированности: от *materia prima* – плеромной основы архаического бессознательного до четко структурированных вербальных компонентов.

¹ Уилбер К. Проект Атман. М. 2004. С.135.

² Там же С. 138.

4. Следующий вид бессознательных процессов – внедренное бессознательное – представлен у Уилбера фрейдовской структурой «Супер-эго». Это структура не вытесненная, но вытесняющая, создающая искажения при трансляции Самости в мир. Индивид отождествляется с Супер-эго, не может видеть его со стороны, поэтому задача терапии состоит в том, чтобы увидеть Супер-эго как объект и прекратить использовать его как то, через что смотришь. Эта проблема преодоления внедренного бессознательного – стремление выйти за его рамки и взглянуть на него извне – характерна согласно Уилберу и для других уровней сознания.

5. Последний вид бессознательных процессов, рассматриваемый Уилбером, именуется «всплывающее бессознательное». В любой точке цикла развития человека из фонового бессознательного могут всплывать глубинные структуры. «Для индивида на уровне «эго» или кентавра, - пишет Уилбер, - низшая и высшая тонкая, а также низшая и высшая причинные структуры будут всплывающим бессознательным»¹. Далее он замечает, что, поскольку на уровне эго и кентавра² развитие не останавливается, тонкая сфера сама начинает выплывать из фонового бессознательного, хотя она может, как это ни странно, подвергаться вытеснению. У «эго», замечает Уилбер, достаточно сил для вытеснения не только низших, но и высших сфер. Такое вытеснение может быть связано с установками, присущими человеку. Так, психоаналитики, на идеи которых постоянно опирается Уилбер, тем не менее, вместе с ортодоксальными психологами не понимают природы всплывающего бессознательного, встречаясь с тонкой или причинной областью, с пиковым пережмванием, светом и блаженством, они объясняют это прорывами в область сознания архаического материала или вытесненных импульсов.

Кен Уилбер не только расширяет область бессознательных процессов, тесно связывая их с существованием высших, тонких уровней бытия-сознания. Он переосмысливает и дает новое, достаточно экстравагантное содержание ключевым фрейдовским идеям об «Эросе», «Танатосе», «инцесте» и «кастрации».

Конечно, сами по себе эти психоаналитические термины являются, скорее, метафорами, экзистенциалами, нежели строго-научными понятиями, но, тем не менее, в рамках фрейдовской концепции они имеют определенный смысл, хотя отчасти и изменяющийся в ходе творческой эволюции отца психоанализа. Именно в определенном смысле употребляются они и в современной специальной литературе, прежде всего с опорой на поздние работы З.Фрейда. Так Эрос выступает как универсальный инстинкт жизни, размножения, выраженный и в половом влечении, и в других формах жизнеутверждения, Танатос, в свою очередь – это влечение к смерти, стремление превратить все живое – в неживое, это стремление к разрушительной агрессии как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Термины «инцест» и «кастрация» относятся к Эдипову комплексу, который сам по себе является психоаналитическим мифом, универсализирующим частную ситуацию влечения к матери. Влечение к инцесту – запретное эротическое тяготение к матери, а страх кастрации – это страх наказания за нарушение запрета.

К.Уилбер, вписывая фрейдовские идеи в контекст восхождения индивида по ступеням холоархии, в корне меняет смысл привычной психоаналитической терминологии. Его главная задача – показать, что путь развития Самости – это путь мучительных отождествлений и разотождествлений, возникновения иллюзорных идентичностей, где Самость, идентифицируясь с очередным уровнем бытия, всякий раз не находит себя и вынуждена пережить «смерть», чтобы выйти на новый уровень самоотождествления. Отсюда – изменения в смысле применяемых понятий. Они становятся характеристиками болезненных рубежей, которые преодолевает Самость, «умирая» и возрождаясь. «Мы видели, - пишет К.Уилбер, - что нигде нет *никаких* радикально отдельных сущностей, что граница между субъектом и объектом, в конечном счете иллюзорна. Следовательно, эту границу между самостью и другим приходится

¹ Там же С. 145.

² «Кентавром» Уилбер называет уровень гармоничного развития личности, когда самость высоко интегрирована, ум и тело составляют единое целое. Тогда индивид начинает трансцендировать тело, «эго», Маску, Тень и перестает манипулировать ими и эксплуатировать их.

постоянно воссоздавать в каждый текущий момент – по той простой причине, что она вообще не является реальной. В то же время простая сила реальности, «тяга» Целого, в каждое мгновение стремится прорвать эту границу. И этой силой является *Танатос*»¹.

Таким образом, Танатос является не силой, которая старается обратить все в неорганическую материю, а силой трансценденции, влекущей к превосхождению иллюзорных границ. Как говорит Уилбер, это «сила шуньяты», пустоты, которая стремясь слить индивида с целым, угрожает его ограниченному существованию и потому вызывает страх. Эрос же для Уилбера – это свойство псевдосамости, ограниченной иллюзорным отождествлением. Он выражается в жажде увековечить собственное существование, избегнуть всякого уничтожения, всякой смерти, а значит и трансценденции, в которой исчезает Я. Эрос, говорит Уилбер – это своего рода онтологический голод.

Уилберовский Эрос оказывается по-существу, не позитивным, как у Фрейда, а негативным началом, поскольку он не что иное, как самовлюбленная иллюзия, претендующая на «космоцентричность, всемогущество и бессмертие»². Во всяком случае, эмоциональные симпатии Уилбера явно на стороне Танатоса, тянущего нас к трансценденции. По крайней мере, Танатос не ищет подобно Эросу суррогатных удовлетворений. Впрочем, уклоняясь от оценок, Уилбер пишет, что оба влечения – Эрос и Танатос – не более, чем формы проекта Атман – проекта находить промежуточные идентификации, дабы избежать полного слияния Самости с Атманом-Пустотой.

Уилбер соединяет термины Эрос и Танатос с терминами «инцест» и «кастрация». Получается Эрос-инцест и Танатос-кастрация. При этом он прослеживает переживания инцеста-кастрации, через которые представлены Эрос и Танатос, на разных уровнях: материнский инцест-кастрация и родительский инцест-кастрация. Здесь он достаточно далеко отходит от З.Фрейда, опираясь на идеи его юнгианского интерпретатора Э.Неймана. Эрос-инцест по Уилберу ведет к слиянию Самости с конкретной инстанцией – телом, эго или любой другой, а Танатос-кастрация вызывает не дифференциацию, но диссоциацию, которая выражается в страхе, фрустрации, травме.

Надо сказать, что пересомысление фрейдовских идей и понятийного аппарата происходит у К.Уилбера не только под влиянием собственного мистического опыта или эзотерических взглядов. Огромное влияние на его интерпретацию оказывают философы-экзистенциалисты, прежде всего М.Хайдеггер и Ж.-П.Сартр. Описываемый им страх смерти, свойственный Самости при ее разотождествлениях, очень напоминает бытийный ужас М.Хайдеггера, это страх, обусловленный «не психическим расстройством или невротическим заболеванием, а восприятием *истины* – это фундаментальный, неотвратимый, неизбежный ужас, присущий отдельному самоощущению»³. Несколько странно читать это на страницах мистико-эзотерического автора, поскольку хайдеггеровский бытийный ужас – это ужас человека неверующего, по сути оторванного от духовности, считающего гибель своего сознания полной и окончательной. А как же экстаз? А как же смирение перед Высшей силой? В отношении смерти гораздо более последователен С.Гроф, полагающий неразрывное двуединство смерти и рождения.

Образ же претенцезной Самости, которая в порыве Эроса желает стать бессмертной, всеохватывающей и занимающей центральное положение в космосе, пришел к Уилберу, несомненно, от «фундаментального проекта» Ж.-П.Сартра. Разумеется, попытка ограниченного Я «быть Богом» и владеть миром обречена на провал, что Уилбер последовательно доказывает.

И вообще весь трагический пафос бесконечных страданий Я на пути духовного восхождения, его диссоциаций, неудовлетворенных амбиций и иллюзорных надежд – это проекция западного экзистенциалистского мышления на универсальный метафизический процесс. Думаю, представители индуизма или буддизма, чьей терминологией активно

¹ Там же стр. 166.

² Там же стр. 164.

³ Там же стр.165.

пользуется Уилбер, вряд ли разделяют его надрывно-драматическое видение духовных путей человека.

Завершая это небольшое размышление, хочу еще раз подчеркнуть, что идеи З.Фрейда рассматриваются в рамках уилберовского подхода через сложную призму мистико-экзистенциалистского миропонимания, что дает возможность увидеть в них новую игру смыслов и возможностей.